

Алмаз Браев

ЗЕРЕМИДЫ – ДЕМОНЫ ГОСУДАРСТВА

КТО В ЦЕНТРЕ ГОРОДА
О ПРИЧИНАХ КОРРУПЦИИ

Алмаз Браев Зеремиды – демоны государства

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40643196

Зеремиды – демоны государства: СУПЕР Издательство; Санкт-

Петербург; 2018

ISBN 978-5-907137-02-8

Аннотация

«В ревконе есть две жизни, две судьбы, два пути карьеры и обе эти линии связаны с зерефами традиции или другими словами людьми, подчинявшимися в своем отрочестве традиции...»

Содержание

Введение	4
Глоссарий	10
Глава I	11
Глава II	32
Глава III	37
Глава IV	39
Глава V	46
Глава VI	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алмаз Браев

Зеремиды – демоны государства

Введение

Две жизни, две судьбы, две линии

В ревконе есть две жизни, две судьбы, два пути карьеры и обе эти линии связаны с зерефами традиции или другими словами людьми, подчинявшимися в своем отрочестве традиции.

Про линию, связанную с карьерой традиционной элиты, мы знаем, что это линия ремидная, где зереф из простого общинника, колхозника по свежему “старому” из человеку без собственного Я превращается в первого авторитета. В условную единицу наставничества над общиной. Зеремид, а мы говорим о нем и ни о ком о другом, еще не учитель, еще не наставник, а скорее опекун по возрасту, но все же он становится выше остальных скромных и послушный рядовых общины. Это очередной неформальный чин, если конечно у неофита есть кое – какие таланты для авторитета. Старые и уважаемые ремиды выбрали нового лидера для груп-

пы, класса, домоуправления или даже района (с проживанием традиционного населения). С приходом рынка подобные зеремиды возглавили даже целые отрасли экономики и областные центры. Но этим они обязаны перестройке, а точнее резкой, а не эволюционной пертурбации, разделу Союза на республики, территории и прочие независимые образования с попыткой обрести полную независимость одних лидеров от других. С чего бы такое желание вдруг по сути у очередников номенклатурного роста? Ведь у номенклатуры было все расписано, все четко установлено, кто когда и что будет со временем возглавлять, если конечно отвечает требованию власти и что получит за усердие. То есть все по сути традиционно. Ты работаешь на систему, система вознаграждает своего человека. Ведь в свое время в секретари партии попадали не абы как, и не абы кто, а очень толковые “трудящиеся”. Все в Союзе также было эволюционно и традиционно, – подчинялось вековой парадигме младший растет и превращается в старшего по возрасту и опыту. Кто старше, тот и возглавляет группу или участок. Еще конечно верхушка смотрела на рвение и таланты, искала два человека в одном служаке. И находила и то и другое в задатках. У ремидов всегда есть принципы, установки, идеи, которыми они делятся, передают следующим поколениям. Так вот, у молодых ремидов или неофитов системы(зеремидов) есть принципы, но не такие стойкие. Они никакие не волшебники, они никогда не придумывали идеи, а только фанатично испол-

няли все и учились. И за старательность и верность им давали понять, что они смогут вырасти, заменить людей, наверху. Хотя часто за верностью была показуха, просто игра или лицемерие. Да, зеремиды показушники и любят показуху. Тем самым ни увеличивают себя в глазах окружающих. Ведь зере отличные актеры или ученики мастера, наставника по актерскому мастерству. Весь мир театр, а все мы в нем актеры, – сказал бы и про случай с зере классик. Любой отец в семье любит покладистого сына. У зеремидов есть некие убеждения, есть принципы, но не стоит беспокоиться. Все эти убеждения и принципы тоже только форма. Только отвернитесь. То есть что то есть, но это что то стоит и покоится на нестойком фундаменте. На глиняном стержне. Зеремиды очень шаткие на принципы, не совсем как волосок шерсти на ветру, но все же они болтаются, если более сильные ветра потревожат их “принципы”. Но какие это принципы? Может это даже никакие не принципы, а рефлексy домостроя? Или вы думаете, в те же секретари или лидеры ячеек шли просто так из любви, к идее, к принципам, к людям наконец? Зеремиды не те штучки. Если человек подчиняется традиции в любой степени памяти и действия, он все равно вернется к заветам старины. Хотя будет выдавать это за разные прогрессы и дела его будут прогрессом на самом деле. Ну хотя от первого зере уровня.

А что же вторая линия зерефов или вторая линия судьбы? Мы говорим здесь о зефа.

Зефа – это рыночная линия первого поколения. Зефа тоже вырастает из традиции. Из обычая. Оттого все новые рыночники более похожие на таких же зере домостроевцев. Они натааскают все свои успехи в свои дома, особняки и счета, что все эти дырки, куда натааскают зефа свои деньги, будут напоминать все те же средневековые норы с припасами. Зефа везде создают средневековые даже в рыночном городе. Весь такой город состоит из замков – жилищ, где зефа совершенно не контактируют с друг другом. Почти что враждуют или игнорируют нищих или недостойных их общения. То есть на линии зефа тоже самое, тоже самое разделение, явно очерченное различие на элиту и на чернь. Зефа вычурно надменны. Это смешно. Но они уверены, что не так уж.

Так вот, если мы говорим о демократии или следующей станции сосуществования традиционного народа, (потому что рынок был занесен в эту степь совершенно внезапно и вопреки эволюции обычая. Рынок нанес удар по матрице традиции). Когда из средневекового люда получается государство. Но ведь существуют же на свете и полностью демократические страны. Так вот, на самом деле получается, что местные домостроевцы в личине зере(или традиционалистов чиновников государства) сели за один стол с зефа или торгашами зефа? Домостроевцы должны сесть за один стол с домостроевцами? Личинки почти одинаковые. Обе линии зерефов очень чувствительны к иерархии и статусу. И неудобства начинаются из традиционного старшинства. Все

тут путают, старший он или главный. Зефа выставляют на свет божий свои деньги, как доводы их значения, а зере или зеремиды – пост, должность, чин. Кто же будет выше? Конечно будет сначала путаница и так и было в начале, но в конце концов, зеремиды чиновники возьмут верх. И встанут над. А все мелкие и средние зефа бизнесмены подчинятся им, будут делиться от своего статуса “молодых” с чиновниками деньгами(отстегивать крыше будут). То есть, что же мы видим? Мы видим, что любая демократия, там где население натурально, не подготовлено, поколение с принципами и убеждениями не имеет, просто обречено на иерархию. Ее сразу конечно не узнать. Но она все таки та же иерархия, где есть элита, и есть условная не элита(есть подчиненные, крепостные ли или еще кто, но все таки от них новая демократическая элита будет требовать подчинения, как феодалы требовали дань. Очень давно.)

Но зефа не оставит покупки все купить. В том числе зефа будут помогать мировые рефаги – скинуть автократов, правителей, не соблюдающих баланс между властями, замкнувших всю власть на себе. Но я прошу тут же вспомнить восточную притчу о драконе и еще внимательно прочитать, что написал наверху. Даже если новые парни зефа рядом с новой партией зере сядут или изображат, что они лучшие государственники на свете(и демократы в одном лице). Они все равно будут искать, кто же из них выше и старше.... Вот это проблема. Но пока почитаем, что же такое или кто такие зе-

ремиды.

Глоссарий

Зереф – традиционный человек с жестко поставленными социальными поступками, рефлексия низкая почти zero, отсюда и слово зереф – рефлексия zero (zeref).

Ремид – традиционная элита, правители, чиновники, авторитеты, учителя; ремиды ставят поступки зерефам, определяют мораль, законы, политику, рефлексия средняя – middle (remiddle).

Рефаг – человек торговой цивилизации в несколько поколений, рефлексия высокая, эгоистичная, утилитарная – refag (re + high)

Зеремид – человек первого поколения города, имеет наполовину жесткие социальные рефлекс обычая и новые навыки городской жизни, наполовину городской, наполовину сельский.

Зефа – человек из первого поколения города с наклонностями в сторону рынка и спекуляции, причем торговать хоть чем, его вынудили обстоятельства.

Глава I

Кто в центре города

Падение государства предполагает предварительную деградацию и обесценивание всех государственных институтов и полное нивелирование идеи государства у бессознательных масс.

Падение – это необратимое разрушение всех базисных устоев государства и стереотипов мышления бессознательных масс.
<http://warrax.croco.net>

Очевидное количество вычурных особняков и дорогостоящих автомобилей на фоне добывающей промышленности и автократии, о чем это говорит?

О простых или “народных” идеалах мы поведем здесь речь.

Если люди мечтает жить именно в больших жилищах, но не для всех и кататься именно в дорогих престижных авто – на зависть всем, то это давно известная мечта., “Мечта” эта – вечная и зародилась она очень давно. И это не привет из тяжелого детства и даже не привет от низкой культуры. Это все – проблемы роста. От проблемы конкретного человека в первую очередь и уже потом идет речь о плебейско – хамоватой шкале ценностей, отягощенной ею. О деиндустрии

короче личной, потом об экономическом кризисе мы ведем тут речь.

О чем еще?

О конце плановой экономики? О новом старом натуральном обществе, отягощенном заводами и потом с успехом эти заводы разобравшем на металл и кирпичи? О возвращении традиционной культуры, возрождении старых заветов отцов и предков?

Падение культуры идет вместе с хозяйственным упадком.

В средние века, например, среди мещан из пригородов, – там где и обитала чернь, тоже ходили те же слухи. А новые горожане тоже спали и видели себя, живущими на богатой улице. Самое простое – в богатой одежде, то есть для начала – в богатом платье.

Политическая урбанизация. Когда поступки верхов становятся идеологией

Подражательство – это лицо и действие больших масс. Люди передвигаются с места на место. На новом месте договариваются сразу, как себя вести. Люди всегда куда то мигрировали. Всегда какая то нужда или насилие вынуждали их покидать насиженное место. Чтобы как то компенсиро-

вать дорожные расходы, новый договор мигрантов был со смыслом. Смысл любой компенсации – возмещение потерь. Самый быстрый путь возврата расходов – это спекуляция. Все начинают продавать, что есть. Все мигранты на свете этим занимаются, либо продают, либо продаются. Но среди новых переселенцев есть и такие, которые хотят построить дом. Сразу и в центре. По традиционным ценностям, а новые поселенцы – это традиционалисты как правило, жить в центре, значит иметь власть. И вот такая привычка – пробраться на государственную должность – самая перспективная. Если бы они жили дома... Но ведь все переселенцы живут на новом месте. Где теперь живут и торгуют одни спекулянты. Значит в центре нового мира отныне будут править и обогащаться(безмерно) самые успешные “центристы”. Чтобы сразу всем видно было. Это конечно не хорошо. Это конечно плохо. Очень плохо. Но кто же может их осудить? Они ведь переместились с места на место в разношерстной обезличенной массе. Им надо как то жить – выживать. Они применяют те приемы, что запомнили и которые работали на родине. То есть рефлексy центра и окраин им с детства знакомые. В развивающихся обществах речь о реабилитации(мещанства) окраин актуальна всегда. Нужен какой-то срок.(Дело не просто в родоплеменной ориентации, – в пригороде о родстве забывают, но рудиментарная тяга по крови остается).

Ворон ворону

Современные родоплесы(люди с родоплеменной начинкой) опережают остальную мещанскую группу только из-за политики. Им, например, разрешается сразу пересест в шикарные авто. Потому что они – хозяева положения. Никто из толпы их не осудит, наоборот, переехать и сразу “в люди”, “в князи” – это большой фарт, большое везение. Для пропаганды свободы лучше нет рекламы. Оттого что они местные, коренные им положена должность как бы сразу(то есть если они “местные” власть должна быть у них от рождения. Если совместить оба мотива, а это традиционные власть и достаток, получается, государственную службу они понимают конкретно. По мещански предметно. А это означает сразу переселиться или готовиться переехать в элитный район – в центр города. Вот и ответ.

Что в цивилизованном мире так не принято? Ну, так это там, а это тут. Разница большая. Элитное жилье и экипажи с шоферами одинаковые. Здесь все похоже. Что тут плохого. Люди сразу, без труда хотят красиво жить – кто запретит? Это же демократия. А она одинаковая и для дикаря, и для фраера. Что, это означает поражение базовых принципов гражданского социума? А есть ли он, гражданский социум? Точнее, а был ли тут исторически? Ведь как то это дело надо обставить? Вот и получается, что переезд маргина-

лов в мозговой центр государства, кроме политики, ничем не оправдан. Только политикой! Все фраера мира, они же акулы капитализма это приветствуют. Они сами, их предки катались через океаны не зря. Пусть катаются все. Пусть красиво живут.

Стеклянные бусы однако

Пока идет реклама красоты рынка. Они ведь что подражают, торговую цивилизацию? А все при торговле ждут, когда кончится продажа. Так? Поэтому со стороны им улыбаются, поддерживают, либеральная традиция представляет это дело романтично – “первоначальное накопление”, “издержки роста” типа, на худой конец что это де просто совковые рудименты. Никто не называет это дело нехорошим. Аборигены свободные катаются на джипах – разве они не растут в глазах родни? “Это демократия” – сообщает коммерческое СМИ. Своруй – но не попадись! То есть катаешься и живешь на широкую ногу – не будь лохом – дай наверх. Это это уже протестантская этика. Хочет нувориш – чиновник ездить в дорогих авто или вообще на авто, кто же против? Это права человека. Права человека выше общества. И даже выше государственных интересов. На этом фоне идет деиндустриализация. Чиновник не должен быть выше гос. интересов. Это закон. Отсюда первое: чтобы понимать что такое государство, надо в нем как бы родиться. Но ведь тут речь идет о

внутренних мигрантах. Никто через океан не плыл со скарбом, как американцы. В чем же причина, что свои “мигранты” грабят свою родину?

Хотя бы родиться в городе. Или даже в центре города.

Вот уж, действительно, если бы мещане – не граждане понимали, что это такое – государственные интересы.

Но что же они думают? Как то ведь они понимают “государственные” вещи? Мещанам государство не понятно. Нет, что такое пост они догадываются сразу. А больше переселенцам и не надо.

Допустим, не допустим, а так и есть, что все кто представляет “государство”, никогда не жили или не сформировались в городской среде. Что тогда важно им?

Для переселенцев любых государственные интересы – это понты и показуха. Так было, так будет. Веками. Переселенцы не могут думать о серьезных таких вещах. Они думают в первую очередь об обустройстве быта. Переехал – надо устроится. Это первое “государственное” мышление такое, зачаточное. Но государство живет либо в голове или не живет нигде. Даже теперь в центре. Вот и у этого оно живет типа вновь на понтовой улице, в красивом здании – в жилье, в животе, наконец в показухе. Это “государственное” мышление аборигенское. Это их право. Их свобода. Они распоряжаются ею абсолютно. Другими словами родственные отношения заменяют коллегиальные, рука руку моет, толпа прищельцев смотрит на авторитетов и повторяет, государство, служба и

должности – это только способ...выжить. Это своеобразный поход такой. Раньше это было как захват вражеского города. Захватили, пограбили, разделили – ушли обратно, откочевали. Сначала выжить, но всегда, получается так, и обогатиться. И авто где то рядом, это здесь, протяни руку, можно в госкарман и мечты становятся явью, причем быстро. Победителей не судят. Они победили. Сейчас, в рекламных целях, для пропаганды победы им все можно. В госкармане и яхты, и виллы, и все права человека. Все большие состояния – говорят – как правило нажиты преступным путем. Первое поколение капиталистов – всегда кровопийцы, ростовщики, уголовники и убийцы. Зато их дети будут другими, ибо они живут в достатке. Они уже – не мещане и широк будет их кругозор. Ибо им некуда стремиться, как – в глубину, в культуру. Он начнут думать о государстве, писать умные книжки. Так учит история. Умные книжки, говорите? На самом деле приезжий все время будет думать о быте(и это мягко сказано). Насчет умных книжек, долго ждать не надо. Они уже сейчас их пишут. Все, кто в достатке, не известно каким путем(ну известно каким – какие секреты?), они уже все пишут и пишут и не ждут, когда их детки морально отмажут своих отцов... от пригорода. Яблоня от яблони – все знают. И умные ли на самом деле эти произведения? Оценить то некому. Вокруг – одни такие же мещане, мещане – неудачники, мещане – переселенцы и прочие – прочие, прочее.(Например, для высшего круга сановная рукопись – это

просто подарок, неважно даже, что там внутри. Как паркер. Остальной круг податного мещанского сословия они просто заставят признать свою продукцию умной книгой. Чем выше статус переселенца, тем больше “читателей”). Короче, для засветки ума самого важных переселенцев нет приличной аудитории. Подчиненные читают начальников. В натуральных обществах это ведь в порядке вещей. Вы не знали? Прочтение с восторгом книг босса, авторитета, вождя рода заменило обряды старого феодального унижения. Раньше выходили задом вперед из шатра. С улыбочкой на лице, глаза долу. Этим и вообще общим традиционным “бескультирием” легко воспользоваться. “Общество – как женщина”, – говорил Маркс: “И должно быть все время на чеку. Стоит ей расслабиться, как ее слабостью воспользуется всякий прохождец”. А мещанскому социуму, это который мечтает о материальных благах, самым надежным путем (через госслужбу конечно), этим обывателями воспользоваться службой велит сама ситуация... Такое количество политологов на единицу населения говорит о нашествии, об обществе состоящем из звездочетов, прорицателей и баксы. Ведь что такое эти же так называемые или обзываемые “политологи”? Это гадалки, чьи карты завязаны на апостериорном знании из жизни современных племен и народов. Политологи гадают вероятный сценарий событий, как шаманы на бараньей кости – выиграет Аттила у Аэция на Каталаунских полях. И только в руках они держат не баранью лопатку и потроха кабана, а мышку

компьютера. Под задницей у них офисное кресло, а перед носом мерцает ноутбук. Вы узнаете в них всадников? Все, готовимся слушать лучших из табора мещанских политологов – кто же выиграет очередные выборы...

А выше ли права человека государственных интересов?

Реальность показывает, все наоборот – чиновники выше любого права. Права высших чиновников, кто входит в касту неприкасаемых – реально выше, в этом отношении никаких противоречий нет. Тут все вновь в духе традиции. Элита есть государство в Азии, поэтому и права человека нужны и государственные должности – все совмещается. Кто не понимает, тот путает двери. Это не государство давит, если что, это чиновник давит, элита давит, кто входит в новую элиту, тот и прав! Не даром тут все хотят в одну партию попасть. Попасть в эту партию, значит попасть в нукеры. Ты принимаешь новые старые правила предков и готовишься в поход. Они не могут сказать, что правят от имени элиты – так не принято. Они выступают от имени государства, чтобы слиться с ним. Это такой азиатский фокус. Мещане в партии или партийные мещане – так не бывает. Просто орда стала “партией”. А кто же не хочет в партию клиентуры(яхт и вил)? Кто не знает, тот снова путает двери. Остальными людьми, их правами пусть занимаются правозащитники. Обычно эти право-

защитники защищают от государства, от произвола чиновников. От их партии. О, это большие путаники! (Вы будите смеяться, но в местной правозащите “живут” провинциалы тоже. Они не называют самую большую партию ордой, они просто называют орду властью, а сами тихо ненавидят “натуралов”, считают их дикарями. Но такие установились правила игры. Мещане – нацмены тоже играют в демократию, они из нее сделали себе кормушку. И убрать этих демократов с эфира невозможно. Они в него росли. И виной тому – демократия. Их невозможно заменить на национальные кадры. Национальные кадры или по другому взращенные независимостью слишком робки и забиты, могут легко говорить только про заветы предков и семь колен родни)

Нет, право не выше государственных интересов. Право не выше элиты – вот так правильное. Какие большие чиновники имеют права, если(о ужас!) вылетают из команды(из партии, из орды?) Обычные, простые, никакие. При феодализме никакому сеньору в голову не приходило, что он взимает талю от имени государства. Они представляли власть монарха, короля, его свиту. Каждого наделяли землей, которую обрабатывали его собственность – крепостные крестьяне. “Государство – это я”, – говорил когда то абсолютный монарх и был прав. Общества при феодализме – это элита, построенная по типу вассалитета, клана, приверженности монаршему лицу. Монархия основана на семье, значит и все общество держалось на семейственности в форме вассалитета.

Крестьяне вообще прав не имели. Кое – где еще сохраняются элементы первобытной сходимости, где элиту представляет сельская аристократия. Наверное, эти люди имели такое грубое мышление, не дальше собственного носа. Оттого и местническая рефлексия. Рефлексия не больше соседской. Вот тупые. О государственных интересах никто тут не вспоминает. Есть бог, есть юре, есть монарх, есть нотабли.

Это традиционная семейственность. Выстраивается иерархическая лестница. Наверху – элита, построенная по принципу семьи. В среднем звене, в системе все ниши занимают “свои люди” по типу клана. Мещане не отстают (и нацмены из правозащиты тоже). Все эта организация образует форму современной солидарности – правящей партии. Внизу жизнь настраивается тоже по квази семейному образцу – образуются группы по интересам. Клановыми другими словами образуются против государства, но внутри.

Что такое мещане?

Во – первых, все мещане не соответствуют той сущности, которую преследуют. Потому они и есть мещане. Они непременно хотят не соответствовать ей, а обзавестись преследуемой сущностью как вещью. В этот “вещный” ряд попадают и весьма не материальные сущности, например, звания, статусы, высший ранг в какой то сфере, например, ранг профессора или доктора наук. Во всем одна отличительная “ме-

щанская” черта – это форма, вид события, но не содержание, сущность. Эти “приобретения” весьма широкого спектра, если общество развивающееся, речь идет о мещанском социуме в целом. Притязающем на самый высший цивилизованный статус.

Что же попадает под эту форму? Это может быть и воинское звание, может быть научная степень, социальный статус, ярлык популярности, в конце концов и принадлежность к элите. В мещанском социуме элита весьма специфическая. Она – только хозяйка вещей, не важно каких, но вещей. Мещанские элиты могут лучше всех обрести, получить как “вещи”, потому можно стать и профессором, и писателем очень просто. Кроме “богатой”, ей хочется еще казаться конечно умной. Профессор – вещь! Такое возможно только тут. Это обратное отображается и других вещей которых реально много.

Итак, среди нуворишей можно стать кем угодно, хоть халифом на час, хоть папой римским, хоть артистом – циркачом, хоть космонавтом, хоть фигуристом на льду, лишь бы были деньги. А кому это дело не доступно? Они – их зрители. Им безразлично – реально ты генерал или философ, на то им всем в общем начихать. Кто хочет, тот пусть и будет генералом! Хоть поющим генералом, хоть танцующим. Безалаберность полнейшая.

Конечно при прикосновении языческого сознания с торговым постепенно будет происходить именно такое торже-

ство пофигизма, маргинальной простоты. Желание обрести то, что не доступно, но блестит, непонятым блеском и хочется по ходу совершенства и образованности социума непонятым и блестящим, может выглядеть не красиво. Но мещанам на это, еще раз, начихать. Они могут это купить и “одеть”. И то и это.

Купить и одеть “генерала”

Распознать же подделку тоже очень легко. Режимного философа распознать также легко, как и свадебного генерала заметить. Несоответствие выдает работа. “Аналитик” их может сойти с ума, например. Можно допустить, он очень хочет что то там открыть яркое и запоминающееся, но не хватает ресурсов, природных данных, но мещан – система дала ему карточку “аналитика”, с печатью – бери и придумай. Он дает им реальный продукт – только свое сумасшествие. Такое же сумасшедшее, как и притязание мещанства на содержание. До полного сумасшествия он угадывает главное желания клиентов – их тайну, что значит, открытие его будет беспредметное и мистическое. Мистику ведь нельзя ни потрогать, ни оспорить, – страшно трогать непонятое, астрология пугает зрителей. Все их аналитики конечно же мистики. Шаманов помните? Это они самые, только в современной одежде. Если для распознавания сумасшедшего нет санитаров, то очередная мистика – открытие считается находкой.

И сколько таких находок. Переехавших в город быстро ведь очень много.

А вот генерала трудней “словить”, ведь для того нужна война или форс – мажор. Так? Что он никчем. Но он все равно выдает что то не генеральское, сумасбродное, недисциплинированное и даже совсем не творческое, а творчество начинается выбраковываться у молодых по ходу службы с лейтенантских погон. Настоящий генерал без войны – он тупой. Сын генерала будет генералом – помните? Династия тупиц. А этот сверх творческий, полон энтузиазма, юношеского задора, он что то да натворит. Его же сразу сделали. Он прыгнул с нижайшего звания в высший офицерский корпус. Ему бы сидеть – принимать поздравления гостей, он же свадебный, а ему не сидится не месте. Он устраивает войнушку местного масштаба. Пользуется погонями, чтобы осадить своих гостей. Ездить перед носом на роскошной иномарке надоело. Он начинает других автолюбителей сажать как шпионов и отбирает олигархический хлеб. А он очень жирный! Поэтому служба получает вид страшной кошмарной феодальной игры. Для олигархов конечно. А для него нет.

Надо сказать, в мирное время с военной должностью справляется и гражданский, может и женщина. Это типичное проявление рыночного фарса.

Все эти регалии, степени, названия все как один говорят об одной особенности, – о желании. Что есть эмоция вме-

сте с эгоизмом. О сильной стороне инстинктивно-эмоциональной взгляда на окружающие вещи. Неумение заглянуть в сущность звания, должности и даже профессии, приводит к безграничному падению этих профессий. Исчезновению по факту качества. Остается престижность обладания биркой, а не профессия. Профессионалы исчезают, испаряются на том месте. Одни служаки, лицемеры и жополизы. Те же самые разводят вниз еще хуже. Потому что больше нет профессионалов, а есть дети, дети природы, которые “хотят” и хотят порадоваться, что они в форме или в костюме. Социальный вариант: что они занимают пост, не важно – соответствуют ему, занимают – значит заслуживают. А их за это уважают. Уважают за пост, за то, что они что то там решают, причем очень важное. Чем дурней человек, тем больше уважают. И ведь он желает, в конце требует полного пресмыкательства. Раб есть раб. А пресмыкательство – радикальный вид восхищения. Ну, нет такого из мещан, чтобы не мечтал на минуту стать богом. Заменить бога на пару минут и расчитаться со всеми врагами – это ли не мечта мещанских мечт? Кто так рассуждает? Правильно, – дети, дети так живут, а их дети, что называются модно “журналистами” еще, эти пересказывают, как сходят с ума западные звезды. Это их на самом деле родня. Жополизы администраторы, жополизы у них в секретарях. Жополизов пишущих и вещающих с экрана интересует больше всего, что купила Дженнифер Лопес. Это потолок мещанских интересов. Детям всегда нуж-

на реабилитация. Почему она не уместна в переносе на общество? А нужна ли реабилитация мещанству? Вот давайте рассмотрим это дело на примере популярного оппозиционера – мещанина.

А что же наш оппозиционер?

Допустим, он когда то в детстве мечтал кем то стать. Потом подростком и юношей “мечта” опошлилась – подкорректировалась ценностями общества, социума, в котором он жил. Там среда заменила романтику. Чем хуже условия прошлого быта и материальные условия – тем больше эта мечта, – не мечта совсем, а желание стало целью.

Вот мещанство – мы помним – мечтало пройтись в богатом костюме в квартале элиты, стать рядом с богачами. (И все население может мечтать стать богачами, даром что ли идет реклама заскоков западных олигархов и их очередных подруг – пасий).

Надо сказать, как то определить это население мещанским, не имеющих ценностей, по простому сказать, колхозники с запросами. Вот заполонили они города, пришли в центр города в дорогих костюмах, (вариант на дорогом авто прикатали). Они же не стали ведь кем то. Они просто реализовали себя. Сняли комплексы пространства. Больше городов они строить не будут. Тем более деревни – аулы. Тем архитектурам капец полный настал. Только центры будут обо-

рудоваться под разные веселья. Надо не только снять, но и забыть, – так? Центр ассоциируется у них с радостью и показухой. Остальные виды деятельности, вариант отрасли придут в вероятное запустения. Желания реализованы – вот они – уже в офисах! Остается девиз: “живи и радуйся, не парься”. “Своих родственников, знакомых и подруг мы сделаем профессорами и писателями, певцами и поэтессами, наведем на них кучу камер, нарисуем большую рекламу, пригласим – не бесплатно – какой базар, западных звезд и все – все наше, все мое. Кому смущаться?”

Почему этому бесппроблемному, сказочно легкому настроению (с реализацией желаний) не перейти и к толпе? И переходит настроение. И передается. На то оно традиционное общество. Сверху чихнул кто то, снизу уже эпидемия. Все ведь – “пригородные” мещане заражаются всеми болезнями элиты. Чем ниже статус, тем сильнее страсть заразиться – это закон. Совесть, мораль, законы они убили своими желаниями. “Все кафедры, студии, мантии, суды, операционные и редакции мы купим” – вторят первым вторые, вторые третьим, третьи четвертым: купим! Нас не интересует стандарт, нас интересует внешний прикид, сущее и форма, что клева, а в политике – нам подобная элита. Хамство есть наш стандарт. Мы – большая легкая толпа. (А если она еще и этническая? Связана с этносом?)

Детство

Мы немного отвлеклись от так называемого оппозиционера, который в юности “мечтал” выбиться в люди. К сожалению, у некоторых категорий граждан мечты приземленные. В некотором плане романтические, но чем ближе к цели, к жизни, все пошлые. Вот он “выбился в люди”, пролез можно сказать в известность из колхозы или со станции, даже с разъезда. Проблема: чем выше он забрался, тем влиятельней, “шире” стало его “детство”. Разъезд – родина будет у него во сне всегда приходить. У детей некоторые успехи, назовем их детскими подвигами вызывают задавание, по другому задираание носа перед другими. Некоторое время они живут этой славой или ее остатками. Если традиционный человек, даже грамотный родоплес попадает на должность, он живет ею, хорошо живет, авторитетом и славой живет, семья его не бедствует. Он вспоминает бедность как бы редко. А он от природы тщеславен, его похождения натуральные. Никто не знает, что натуральному человеку славы больше надо, чем продуктов питания. Чем больше у него авторитета, тем сытнее живет он сам и его семья. Вот и ныне ему все время надо быть на виду, все время на поверхности. Иначе снова разъезд приснится ночью. Обязательно, иначе он всего этого лишится. Поэтому так называемая оппозиция в натуральном обществе полна проштрафившимися людьми. Они попада-

ют на разъезд прямо с поезда. Падают из обоймы, из системы, то есть из вагонов. Они все были или должны были бы быть во власти. Возвращаться на разъезд никому не хочется. Там не поймут. Без этого у них не будет никакого авторитета. Как одно вещество он не тонет все знают, вот и “оппозиция” тут или то, что так называется – это их новая поверхность. Они запрыгивают в этот вагон. И тут же занимают там кресло. Подбирая жополизов и бездарей, чтобы были их глупее. Что же происходит с бывшим провинциалом, когда он попадает в правительство или околоправительство? Сначала у него сносит просто его натуральную башню. Называется это ценностным шоком или ударом по столбам разъезда. Он как артист теперь, ему все время будет не хватать той высоты, если он упал из вагона власти. Внешне это не отражается и сходу не видно. А того шока не хватает. Все видели выражение лица чиновника – азиата? Он – вся спесь, она просто прет от него со всех сторон. Вернуться на землю (на разъезд) его не заставишь никакой теперь силой, кроме падения (из-за активности нашего свадебного генерала, к примеру). Но этого возвышения забыть уже нельзя. Высота уже живет с ним до конца жизни. Она будет переть, выпрыгивать и стоять тенью в неожиданных местах, в большинстве случаях неуместных и после отставки, то есть изгнания из очереди. Предположим, с такого “оппозиционера” прет спесь... Она ведь беспредметна теперь. Он ведь только оппозиционер – такой же как и все – изгой. Это все знают, но не он.

Он еще там. ящиков и других приспособлений (как в детстве), берет своей позой, забирается повыше в комнате среди других оппозиционеров, что он выше и тут. Происхождение натурала берет свое. Он снова на троне из оппозиционных досок. Так он считает на полном серьезе. И оно все время хочет теперь “встать рядом” с женецами. Он – женец почти на самом деле, а вы – колхозники. Это всего лишь старые натуральные понты. Узнали? Можно отобрать у него это право? Нет. Потому что это невозможно отобрать, – детство не отдается. Разъезд на месте. Он все время хочет поехать в Женеву, как в детстве хотел поехать в город на проходящем составе. Это его очередная детская фантазия. Чтобы потом распуścić хвост перед другими детьми соседей.

Но нет. Он тут же сооружает себе трон из

Ну, предположим, он считает себя выше среди других. Ну как же, они не были так высоко, как он – в центре города! Генсеком там или сопредседателем, или пресс секретарем опального премьера. Они, его товарищи по партии – снова “провинциалы” даже рядом с его самопальным троном. Теперь он может попасть в другой “центр города”, например, реальный центр европейского города Женевы. Съездить на саммит Европарламента и потусоваться среди чистых и душистых парламентариев. А вы все остались в пригороде... то есть на его малой родине – в “жердынбыржерова”, где то

среди сопливых пацанов аула.

Вывод: оппозиционному делу вредит эмансипация социальных “детей”. Они даже в политике будут самоутверждаться и почивать на лаврах. А значить, все время будут со своими комплексами в “центре города”.

Глава II

В поисках старшего

Противоречие между современной оболочкой и архаичной начинкой, когда вокруг моторы внутреннего сгорания и одновременно государственные должности сдаются(продаются) на откуп. Решается просто. Нет никакого линейного параллельного сосуществования внешнего и внутреннего мира. Хотя он как бы есть, как две лыжи у лыжника. Одна лыжа современная, другая древняя, но тоже лыжа, ибо тоже скользит, ибо лыжник все же едет. Как же так.

Сдача в наем государственных должностей в духе средневековья, где продавцы и покупатели не чувствуют беспокойства. Наоборот, все и арендодатели и арендаторы чувствуют себя хорошо. Обе стороны – люди одой культуры, все как бы в своей мировоззренческой тарелке, и значит, все, кто сдается новому феодалу – это традиционно? Это нормально? Вместе люди, попавшие в подчинение, также не испытывают недобства? Такие вот суррогатные крепостные, которые трудятся на благо феодальному мандарину?

Кто не готов к такому развороту, просто ничего не понимают

Это просто традиционное, а значит обязательно глубоко иерархическое общество. Оно просто не может без главного человека в системе. Оно не работает без самого важного, следовательно уважаемого господина, начальника, авторитета, – старшего в роду, брата и так далее. Не может никак. Это искусство, культура доминирования одних во имя все остальных братьев по крови культивировалась веками, формировалось тысячелетиями. Если не будет никакого доминирования, превосходства, а значит надменности, высокомерия, давления, я – твой отец, старший брат(вариации я – начальник и твой господин и благодетель), а ты мой младший брат(подчиненный или даже раб), то обе стороны будут чувствовать себя плохо. Традиционное общество всегда в поиске своей элиты. Другое дело, что элита коррелируется еще и внешними обстоятельствами. Сильными соседями. В истории всегда так было. Кто сильнее в мире традиции, тот и старший брат. То есть современная даже рыночная лыжа значит является направляющей для древней лыжи, главное все же, чтобы лыжник(народ) все же ехал, переходил, перекочевывал с места на место тихо и спокойно. Хотя вторая старая лыжа, лыжа традиции все время заходит, “забегает” вперед. Потому что число новых членов правления растет и

они набираются по принципу молчания. Традиционная система набирает в первую очередь послушных. И попадающий в элиту лыжник традиционалист и молчун тут же должен найти свой ряд, потому что его лыжа, с которой он пришел или зашел в лыжню всегда больше нормы. Он ведь традиционалист, не забываем. И таких послушных молчунов со своими рефлексамии начинает мешать скользить модной лыже. Оттого главный этой лыжни все время обязан трясти и лыжню и лыжников вместе взятыми. Если не будет трясти, то старые лыжи заблокируют реформы лыжни и вообще все вокруг от прогресса.

А между тем после каждой встряски зере должен снова доказать ранг, заполнить собой ветку. Если ему удалось “заехать” повыше, то он значит выше и считает тех, кто сидит ниже ниже, младшими себе, ниже рангом то есть. Не оттого ли эта страсть попасть в обойму? Попасть в среду придворных, приблизиться ко двору избранных, зайти в ханский шатер и проскользить тихо выше, выше, выше? За какие спрашивается заслуги?

Как попасть в главный шатер?

Прежде всего послушанием и признанием системы. А что такое система? Это признание традиционных правил. Нужно ли обучаться такому этикету традиционным людям, которые с пеленок знают, кто есть кто среди родни? Безликость или

бесцветность конечно облегчают или приближают к заветному месту, где могут взять за безликость и за бесхребетность. А прежде всего за рвение и даже фанатизм угодить(хозяину – благодетелю). Но ведь любой фанатик, видит вокруг подобных себе. Хозяин выбирает из кучи точно таких же молчунов конкурентов. Конечно у кого в семье было много братьев или наоборот, полные сироты будут вне конкуренции.

Однако если посмотреть на общество в целом, такое общество не будет реагировать на другие сигналы(типа свободы, демократии или даже социализма и так далее) Оно будет подчиняться силе. Которая в свою очередь предстанет господином ситуации. И тогда патернальная система заметит обязательно. Оно не будет реагировать ни на что, пока кого то конкретно не затронет новая феодальная иерархия. А это значит, что кого то настигает машина феодальной инквизиции или просто кто то попался под сбор урожая мандарина со своего ведомства.

Это наверху. А что внизу

Ведь люди вне пирамиды – это как бы не люди, ну в традиционном понимании человека и его значения. Человек из низов – это не человек вовсе, а существо, которое обязано молчать, во всяком случае при сборе податей с податного населения(люди всегда молчали). И чем больше будет людей подобной культуры, тем более это общество будет наращи-

вать старую лыжу в ущерб современной, становится тоталитарным, шаг за шагом, срок за сроком.

Глава III

Домостроевцы

Построить дом, посадить дерево...

Домостроевцы хорошие ребята. Они строят дома, возделывают поля(вариант выращивают скот), растят сыновей. Потом суеются во имя своего потомства. Следующее поколение делает тоже самое: возделывает поле, перегоняет скот. Каждый глава семейства повторяет путь отцов, не задумываясь и почти не моргая. Есть ли тут что то новое? Я имею ввиду что приносит каждый отец в одну и ту же привычку(выращивать урожай, перегонять скот)?

Конечно отсебятина кое какая есть. На то он и отец, а не портрет. В новом поколении часть привычек у сыновей от отца домостроевца, половина от традиционного общества, то есть тоже домостроевская. Получается, домостроевцам нет дела, что происходит на свете, вне их поля, далеко от родной степи? Я уже не говорю, они не видят, что происходит в их отсутствие. Например, на улице возле дома или даже в государстве домостроевцев? Им главное доставить товар в свою лавку и продать подороже, потом купить своему потомству всякую снедь, а жене шубу? Все это хорошо и прекрас-

но со стороны. Но на взгляд такого же зерефа(а речь идет о традиционных людях, а они поголовные домостроевцы). До определенного момента. Все традиционные домостроевские общества саморазрушались и самоуничтожались, служили кормовой базой для развитых более в чем – либо цивилизация. Из-за... оскудения ресурсов, естественных и искусственных если хотите, но ресурсов. Ведь домостроевец удваивает, утраивает, упятеряет количество домостроевцев и больше ничего. Каждый зереф воспитывает себе подобного зеремида, который живет по точно таким же законам домостроая. Хотя нет, у зеремида новая лыжа все таки длиннее и красивее.(Это лыжа прогресса, не забываем – А.Б.) Даже, что такое национализм домостроевцы на самом деле не понимают. Ведь им нет дела на события вне дома? Оттого для них придумывают так называемых националистов, несколько штук, которые изображают национализм в тот момент, когда домостроевцу и домостроевцам нет дела, что происходит в мире. То есть домостроевец внутренне близорук, хотя в способах выжить очень цепок, дальнозорок и живуч. Но не все традиционные общества гибли от количества, банально-го физического количества домостроевцев. В древности количество героев все же решало судьбу битвы. А что сейчас? Кто же нужен, какой человек в управлении, в здании и даже доме?

Глава IV

Наши ветки

Вместе с демократией появились супер, гипер, мега – маркеты. И бывшие традиционные люди, также бывшие провинциалы стали делать в них покупки.

Трудно отличить с того момента, кто из них кто. Первые секретари партии и правящие функционеры оказались как бы вровень с рядовыми гражданами. Конечно отныне все стали гражданами. Не отличить. Даже не понимая, что это значит. Если использовать клише о буржуазии, то все бывшие граждане СССР одновременно стали буржуа.

Но мы то знаем, что в СССР жили все же традиционные люди. Просто вместо традиционной элиты появились первые секретари и другие функционеры аппарата, а вместо общинников – рядовые граждане. Однако традиция традицией, а идея идеей, даже если идея была изуродована номенклатурой под свои нужды “ума, чести и совести эпохи”(то есть номенклатура выше, а все другие ниже).

Итак, новые граждане стали отличаться не покупками, а ценой покупки или ценником на покупке. Все же номенклатура хоть и бывшая могла себе позволить дорогие и престижные вещи. Простые граждане (зерефы) покупали почти то же самое, но дешевое и подержанное. Но даже такое дешевое

относительно покупок элиты и подержанное было успехом для мещан и провинциалов. Они никогда ничего подобного не видели и не могли надеяться видеть, это было чудом. Этим самым объясняется массовая аполитичность так называемого народа, когда разбирали здание СССР на самостоятельные кирпичики. Ведь покупателям в супер, гипер, мега маркетах было по настоящему все равно, что там разбирается, не их же дом в самом деле. Еще раз, мы имеем дело с традиционным населением, даже если его и называли советским. Они потеряли не только остатки советской, но традиционной элементарной морали и вы спросите, во имя чего? А во имя чего герой идут на подвиги, а элита снаряжает армию в походы? Для традиционных людей важно их значение в родном обществе, кое какое имя в собственной общине. Имя и значение можно было теперь иметь, не совершая никаких подвигов, не выступая вместе с феодалами ни в какие походы, за трофеями отныне можно ходить в походы в супер, гипер, мега маркета вместе с женами. И чем дороже выберет платье жена, тем выше задирается голова ее мужа. Вот так бывшие советские, они же традиционные люди стали ходить задираясь друг перед другом на предмет очередной покупки (понтиться стали значит). Кто никогда не видел подержанной японской Тойоты, более того мечтать не мог в спальном районе или в поселке даже о Жигулях, тот был неслыханно возбужденным, обретая эту самую Тойоту пятнадцатилетней свежести. Кто никогда не жил в доме с удобствами

ми, а занимал может полдома в поселке городского типа, где не было ни горячей воды, ни природного газа, а санузел был общим, как в общежитии например, тот был рад отдельному жилью с удобствами, а может даже и быстрому коттеджу(как у первого секретаря). Уже не говоря о маленьких радостях в виде подарочных конфет, сгущенного молока или просто пачек индийского чая. Все что было у советской элиты, стало доступно простым смертным! Ну как тут не порадоваться за свободу и демократию! Хотя на самом деле для людей ниже выше, выше ниже, привычных к иерархии, почувствовать себя первыми секретарями несколько суток, да что там несколько суток, все оставшуюся жизнь, дорого стоит. Зерёфы готовы поменять свое будущее на престижные платья феодального вельможи тридцатилетней давности. Вот потому то важно знать, что так называемая новая буржуазия в рыночных условиях будет также стремиться сесть повыше соседа на веточку. Хоть на одну, но выше. Этим самым объясняется неумная бесконечная жадность этой самой элиты.

А вы думаете, зачем традиционным людям эта самая коррупция?

Слово то какое. Напускающее тумана, что де, это процесс временные и излечимый... На самом деле занятие коррупцией(или воровством) это всеми признаваемое дело. Ведь мы не забываем, что существующая внутренняя политика стро-

ится не указами, приказами, обращениями. Что в общей куче и концентрации обращений и приказов кажется пустословием или звуковыми кучами мусора. Все кто обращается и все к кому обращаются, давно и всегда пропускали это мимо ушей. Некоторые продвинутые политики и лицемеры понимали, что борьба с коррупцией нужна для проформы. Чтобы борьба за высокую и низкую ветку традиционной иерархии и веса в обществе не превратилась в анархию и бойню. Все же зеремиды и даже ремиды – это достаточно грамотные люди, они все получали знания и понимания про хорошо и плохо. Это один из тех положительных моментов просвещения, что люди бывшего мира и общины знают, что такое хорошо и что такое плохо в цивилизационных пределах. Короче, коррупция хоть и вроде плохой дело, но она тут никогда не кончится. Пока во всяком случае все не рассядутся на своих ветках. До этого самого времени все будет внешне мирно и пристойно. Ловить будут, но мелочь. Для острастки остальной кучи желающих.

А что же касается интеллигенции, которая как бы знала больше всех и первой предъявила секретарям претензию, что посидели мол – хватит, дайте и нам порулить. То они перешли на другую стадию – стадию права. Если все предыдущие стадии были борьбой за статус, вполне традиционное занятие, кто выше, а кто ниже. То теперь по буржуазным (рефажным) канонам наступает время права.

Тварь я дрожащая или право имею!

Интеллигенция либеральная обращается к зерефам в супермаркете: Твари вы дрожащие или кто? Долой автократию! Те в ответ смотрят на них даже не глазами удивления. Они просто не понимают, кто эти пастухи? Если вы когда то обращались к традиционным людям, а они в ответ смотрят на вас глазами детей, то будьте к этим людям снисходительны.

Вся внутренняя политика на самом деле строится на понимании большинства

Как это большинство понимает изменения. Пусть они на вас смотрят даже баранами. На зерефном уровне даже обладание подержанным вещами своей ли и чужой элиты(поддержанные авто и модные джинсы это даже не вещи западной элиты) это большое достижение и успехи. Традиция ставит перед общиной простые, векам повторяемые вещи: создание, потом обеспечение семьи, соблюдение во имя стабильности существующих обрядов. Конечно значение элиты тут велико. Зерефы выполняют все наказы своих жрецов (ремидов), повторяют все предписанные элементы как будто все зерефы как один старики от мала до велика и, са-

мое главное, уважают(боготворят) своего лидера. Ну конечно ум, честь и совесть для своего внутреннего порядка в момент накопления капитала лучших помощников и представить не могла. Отсюда внешней оболочкой такого тандема обязательно должен был быть представлен национализм и самоопределения(элиты). Хотя конечно зерефы не понимают, что такое национализм(они ведь не нация). Для пояснения аппарат вождя набирает толмачей для разъяснения(второй положительный момент просвещения). Но собственно, как было уже сказано, лучшими толмачами и переводчиками оказались супер, гипер, мега маркеты, где все зерефы моментально забылись, окруженные ящиками с товаром. Они почувствовали повышение своего статуса от прежнего. Почувствовали и обрадовались.

Но конечно совсем не обрадовались либералы, несколько штук интеллигентов

С каждым годом таких непримиримых все меньше, а разумных все больше. К аборигенам либералам разум приходит значительно быстрее. Они готовы принять правила, предварительно заняв подходящую ветку на дереве. Это самое разумное поведение, во всяком случае традиционное, родное. Не только проворовавшиеся коррупционеры, а воруют иногда очень много(но не выше конечно эталона), но и так называемые оппозиционеры просят прощение у во-

ждя(еще один момент просвещения и включения благоразумия, радио). Все просят, как на подбор. И конечно вождь милостив и снисходителен к ним. Даже к хитрецам, аферистам и жуликам(это если включить незеревные правила и определения они жулики, а если не включать, просто перепутали ветку). Если же включить традицию, то все становится на свои места. Все эти о просящие прощения коррупционеры и оппозиционеры(еще надо разбираться, почему они вдруг оппозиционеры, может оказаться, что просто конкуренты) есть подданные. Подданные и все.

Глава V

Зеремиды

Еще не граждане, но с большой страстью быть в центре мира

Зеремидам, как и зерефам(людям традиции) требуется жизненное пространство. Идейность зеремидов, фанатичная и декларативная объясняется материальной заинтересованностью. Чтобы соблазнить зерефов и зеремидов, им надо обещать награду. Традиционная элита обычно вела традиционный народ на своих ближайших соседей. Там они получали еду, халаты и женщин. Иногда эти соседи были одного корня с нападавшими. Но свой род и своя семья для зерефов выше дальней крови. Отсюда и вечная межплеменная распря зерефов даже в новое и новейшее время, то есть даже когда вокруг развивается знамя цивилизация. Что касается зеремидов, то они податливы на любые эпитеты превосходства. Но эти эпитеты полагают превосходство не только над соседним племенем дикарей, но в масштабе стран и народов. Для провокации толпы и привития сверх идеи служат группы ремидов второго городского поколения. Они порождают имперскую идею захватов, которую якобы проводили их от-

цы. Расцвет национализма и нацизма в Германии в 30 – года 20 века объясняется экономическим кризисом, который вывел агрессивных зеремидов из культурного оцепенения на трибуну. Они сами наделили себя правом прошлых героических поколений. Ремиды 2 вкладывают в меркантильные и слабые головы зеремидов планы, которые подпитываются агрессией и злобой толпы. Без наличия какого то количества городской интеллигенции вся энергия зеремидов уходит на бытовые распри и бытовой национализм, а вернее этническую сегрегацию.

Россия в этом смысле обошлась марксизмом для акклиматизации новых аграрных переселенцев, сбежавших в города от безземелья, продналога, коллективизации – за новой жизнью, “фабрики рабочим, земля – крестьянам”. Здесь роль соседского племени сыграли буржуи и враги народа. В соотношении зерефы – зеремиды, Россия оказалась ближе к зерефной рефлексии. Она не имела агрессивных горожан имперского масштаба и appetitов. Здесь кулаки и враги народа сыграли роль соседей индейцев с некоторой правкой на эпоху, развитие, культуру и географию.

Глоссарий:

Зереф – человек с начальной рефлексией, рефлексия близка к нулю, традиционный человек, любящий исключительно своих близких и старших братьев, слепо повиную-

щийся традиции и старшему в роду (рефлексия зеро – зереф);

ремид – человек средней рефлексии, отец, учитель, наставник зерефа, ремида – традиционная элита или просто элита; чиновники, люди просто с высшим образованием;

зеремид – человек первого поколения горожан, мещанин, обыватель, служащий.

Глава VI

Жестокий и прыткий зере. (реремид)

Рыночному народу зе-фа от быстрого обещания прибыли рынок вовсе не обещал, что в ряды чиновников попадут все люди. Судьба чиновников – это судьба избранных. Зефа совершенно не принципиальные люди. Они считают гроши и радуются как дети. Чиновники – это прежде всего принципиальные люди. Они должны отстаивать интересы государства. Потому зефа постараются сделать всех “детьми” продажными. И чем быстрее отряд уполномоченных мародеров избавился бы от свидетелей и ответственных людей, тем лучше.

Однако честных принципиальных людей во власти мало. Можно сказать их совсем нет. Что же делать? Как такое произошло? Делали ли ребята зе-ре делали преданные лица, как им и положено, только чтобы попасть в отряд избранных? Еще бы. Все зе-ре старательны, делают все фанатично или создают вид, (потому что знают что их ждет вознаграждение). В многодетной семье смирный телок двух маток сосет, а строптивного дурака все старшаки бьют. Все зеремиды знают про это. Потому делают все, чтобы их не били.

Какие перспективы и, самое главное, с какой жизнью удастся расстаться?

Это называется в народе из грязи в князи. Поэтому все, кто мешает сбыче мечт, они, скажем просто, не нужны. Перефразируем третий лишний, получим – принципиальный лишний – это ремид. Потому, чтобы ремиды не мешали, их заставили говорить на языке родных братьев. Какие тебе еще принципы.

Когда и что делают зе-ре лучше всех?

Для революции они преданные бойцы революции, фанатики революционеры, лучшие борцы с врагом. После победы над врагами свергнутыми эксплуататорами для революционеров открылись все двери. Так после гражданской войны они были борцам с контрреволюцией и саботажем, грозой всех недобитков белых, дворян, врагов народа. Первые организаторы, коллективизаторы и яростные крикуны тоже они. Крикуны всегда. Всегда “за”.

Слава Сталину! Это тоже крики зеремидов

Когда враги народа сведены на нет, уничтожены, когда

несознательных и даже трезвых рядом просто нет, значит и конкурентов вроде нет. Начинается зе – ре осознание. Когда начальную линию или традицию продолжают дети зере(или зе-ре 2 – А.Б.) – наследники революционного опыта. Еще дальше внуки – продолжатели традиции. С каждым разом зе-ре осознают себе не как наследники голодранцев с револю-вером, фанатики за ради получения революционного пайка, а как наследники героев, наступает полное осознание зе-ре превосходства. Но не по Марксу. По Марксу такое осознание через кровь, гены – культуру называется реакцией. У Маркса вообще нет этому объяснения.

Почему же у внуков прошлых активистов ныне запредельный уровень рыночного эгоизма?

Почему они хотят теперь не равенства и братства, а статуса, собственного выделения в касту. Вместо прошлого альтруизма, вместо духа товарищества, вместо ответственности – обособление, индивидуализм, желание частной собственности – почему?

У зере полутонов также мало

Это подается в том же самом буржуазном духе свободы и независимости. Где под независимостью понимается сначала

личность, а потом все остальное.

В 1937 году все зе-ре извели всех ремидов. Страна тут же лишилась будущего(лыжи прогресса). Кто такие революционные ремиды? Это собственно интеллигенция. Это дети провинциальных интеллигентов. Дети также евреев аптекарей. Дети частников и учителей, которые порвали со своей мещанской средой. У этой категории рефлексия была выше, чем у зе-ре. Следовательно, и противоречий, полутонов, полуоттенков больше. То есть они не есть фанатики во плоти. У зере полутонов нет. Во всяком случае, на любой призыв ремиды не отзываются ура, мы победили! Революционный фанатизм, если это качество веры в идеалы можно назвать фанатизмом, у них был совершенно другим.

У них не было фанатизма, у них была вера

Потому ремидам не нужно осознание себя, они себя знают. Их детям также не надо избавляться от комплексов. Тем более внукам. А вот для зере осознание – это мука, зере не хочет смотреть на себя в зеркало, он знает, что там отразится, потому неприятие зере людей лучше себя, культурней, образованней это ненависть зере к своим комплексам. Это надо выделить. Зере не любит себя. Но бьет за это других. Осознание себя у зе-ре это избиение зе – ре раз за разом из поколения в поколение комплекса.

Если бы не было русской революции эту эволюцию от кре-

постного раба до грубого разудалого господина можно было бы назвать буржуазным чудом. Так как произошло то же самое, как и во всем мире, но с временной оттяжкой. Новые господа явились через путь посредством фанатизма. Потому что же – ре всегда фанатики, старательные исполнители. Какую задачу им поставит глава, любой, хоть староста, хоть глава партии, любой, они выполняют фанатично. Или делаю вид. Кажется что искренние, на самом деле нет. Выглядят простыми, на самом деле они хитрые. Все – с умыслом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.